

В.Е.Хализев
(Москва)

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА В ТРУДАХ
В.М.ЖИРМУНСКОГО 1914-1921 гг.**

На протяжении последних лет наследие раннего Жирмунского обращает на себя все большее внимание. В 1996 году переиздана книга "Немецкий романтизм и современная мистика" (1914). Появились статьи А.П.Лаврова, Л.В.Михайлова, Г.М.Фридендера, Е.Г.Эткинда об исследовании ученым немецкого романтизма. Но труды Жирмунского о русской литературе, относящиеся к 1910-м годам и началу 20-х, и поныне остаются вис нашего поля зрения. К тому же далеко не все благополучно с их републикациями и комментированием в академических изданиях 1970-80-х годов, где ранние работы ученого опубликованы с весьма существенными сокращениями, порой не оговоренными в примечаниях. (Подобной редукции научных текстов положила начало книга В.М.Жирмунского "Вопросы теории литературы" (1928), что отвечало воле автора и, по-видимому, было осуществлено им самим). Вследствие всего этого существенные пласты наследия ученого и сегодня остаются незамечаемыми, а его понимание - затрудненным и не вполне адекватным.

В статье "Преодолевшие символизм" был купирован ряд эпизодов, связанных с религиозной проблематикой творчества русских поэтов начала XX века. Жизнь в освещении символистов, писал Жирмунский, "развертывается <...> в глубокую религиозную трагедию", "поэзия есть религиозное служение", "поэты - это пророки". Еще: "Влияние их <...> поэзии совпадает с возрождением в русском обществе религиозного чувства с развитием так называемого религиозно-философского движения"¹. Огромную значимость имеют религиозные темы и мотивы, отмечает ученый, как у символистов, так и у акмеистов, это - своего рода центр современной поэзии: "В стихах Ахматовой религиозность не менее подлинная (чем у символистов -В.Х.); но она носит характер не мистического прозрения, а твердой и простой веры, ставшей основой жизни; и эта отстоявшаяся, успокоенная, положительная вера входит в самую жизнь, приобретает сложившиеся, исторические, бытовые формы, проявляется в обстановке ежедневного существования, в обряде, в привычных религиозных действиях и предметах религиозного служения" (39).

Осталась, далее, вне позднейших публикаций значительная (завершающая) часть главы о Гумилеве, где говорится о его военных стихах: "Глубоко религиозное чувство сопутствует поэту при исполнении воинского долга"; "<...> вся ценность напряженной человеческой воли открывается перед лицом смерти" (51). Глава эта завершается так: "Военные стихи Гумилева и рядом с ними военные стихи Ахматовой, отражающие войну в русле

"оставшихся", в женской душе, - это лучшее и самое значительное, что создала до сих пор в русской поэзии мировая война. Если боязнь переживания простых и ярких, непосредственных чувств и мажорных слов и вызывает сомнения в их художественной ценности в слишком утонченном сознании некоторых эстетических критиков, Гумилев в праве ответить таким судьям:

Победа, слава, подвиг - бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне (52)

И, наконец, в последней главе статьи ("К оценке поэтов "Гиперборея") самый большой завершающий абзац, где М.М.Жирмунский (кажется, единственный раз) предпринял опыт прогнозирования литературного творчества в России, обозначив свои ценностные ориентации (прежде всего - ррелигиозно-нравственные и национально-культурные): "В акмеизме ли будущее нашей поэзии? Несомненно, **за** последние годы и в самом символизме, и вне его наблюдается поворот в сторону нового реализма. Но мы хотели бы, чтобы этот новый реализм не забыл приобретений предшествующей эпохи: чтобы он основывался на твердом и незыблемом религиозном чувстве, на положительной религии, вошедшей в историю и в быт и освещающей собою всю жизнь и все вещи в их стройном взаимоотношении. Нам грезится, что новая поэзия может стать более широкой - не индивидуалистической, литературной и городской, а общенародной, национальной, что она включит в себя все разнообразие сил, дремлющих в народе, в провинции, поместье и деревне, а не только в столице, что она будет вскормлена всей Россией, ее историческими преданиями и ее идеальными целями, совместной и связанной жизнью всех людей, пребывающих не в уединенной келье, а в дружном соединении друг с другом и с родной землей. Будем ли мы иметь возможность после войны приветствовать такую литературу, одновременно религиозную и подлинно реалистическую, зависит от событий исторической жизни, в которых литературе суждена лишь очень частная роль. Но если литературное будущее, которого мы ждем, не в поэтах "Гиперборея", в них все-таки ясно выразились потребность времени, искание новых художественных форм и интересные достижения"(56)2.

Подобным же образом в книге 1928 года были редуцированы тексты и устранена аналогичная проблематика других ранних работ Жирмунского. Книга "Поэзия Александра Блока" (1921) сокращена вдвое ("согласно воле автора", отметила Н.А.Жирмунская) и превращена в статью под названием "Поэтика Александра Блока". В ее тексте не осталось суждений о жизненном пути Блока как "религиозной трагедии", о покаянных стихах поэта, о славянофилах, Ап.Григорьеве, Достоевском, Вл.Соловьеве как предшественниках и кумирах Блока, о выражении в его поэзии "народной русской стихии". Отдельные места, связанные с мотивами русской истории у

О.Э.Мандельштама, устранены из статьи 1921 года "На путях к классицизму". Лишь выборочно переопубликована статья об ахматовской "Белой стае" (начало 1918 года).

Суждения В.М.Жирмунского о современной ему русской литературе, об ее возможностях и перспективах глубинно связаны с его концепцией немецкого романтизма. Главное в романтическом движении начала XIX века, считал ученый, - это не двоемирие и не переживание трагического разлада с реальностью (в духе Гофмана и Гейне), а представление об одухотворенности человеческого бытия, о его "пронизанности" божественным началом, Именно в этом усматривал он непреходящую значимость романтизма и, в частности, его насущность для России начала XX века: "Наша мечта - это та же мечта о просветлении в Боге всей жизни, и всякой плоти, и каждой индивидуальности"³

При этом Жирмунский не был склонен к апологии немецкого романтического движения. Он говорил об ограниченности раннего (йенского) романтизма, склонного к эйфории и не чуждого индивидуалистическому своеволию, которые со временем преодолевались двумя путями. Первый - это обращение к христианской аскетике ("религиозное отречение"), второй - освоение связей человека (насущных и благих) с национально-исторической реальностью. Говоря о второй тенденции эволюции немецкого романтизма, ученый положительно (как шаг вперед) расценивал движение "чувства жизни" и эстетической мысли от диады "личность - человечество (миропорядок)", смысл которой космополитичен, к свойственному "гейдельбергцам" разумению неотъемлемой значимости посредствующих звеньев между индивидуальным и универсальным, каковы "национальное сознание" и "своеобразные формы коллективной жизни отдельных народов"⁴. Устремленность гейдельбергских романтиков к национально-культурному единению, их духовная причастность историческому прошлому своей страны характеризовались ученым в высоких, поэтических тонах. Такова статья 1914 года "Проблема эстетической культуры в произведениях гейдельбергских романтиков", написанная в необычной для автора полуэссеистской манере. Здесь национально-культурные проблемы гейдельбергцев напрямую соотнесены с тем, что имело место в русской литературе второй половины XIX века: "Такое же единство (национальной культуры - В.Х.), я полагаю, увидит читатель со временем в помещицкой и крестьянской России Тургенева, Толстого и Фета"⁵.

Труды Жирмунского о немецком романтизме и его статьи о русской литературе начала XX века (особенно - "Преодолевшие символизм") как бы высвечивают друг друга. Характеризуя творчество современных ему поэтов и делая прогнозы, ученый акцентирует в отечественной литературе прежде всего то, в чем видит стержень романтизма, усматривает в ней (обратившись к творчеству Ахматовой, Мандельштама, Гумилева) те благие начала, которые

знаменуют свободу от болезней романтической эпохи в Германии, свободу от индивидуалистического своеволия и - от трагического дуализма, двоemiрия, аскетике.

Обозначенные нами факты свидетельствуют, что культурологически ориентированное литературоведение Жирмунского 1910-х гг. было причастно традиционалистской ветви религиозно-философского движения этого времени, о духовном родстве- ученого с такими поборниками укорененных в России верований и обычаев, как С.И.Булгаков, В.Ф.Эрн, А.А.Мейер, А.Л.Ухтомский, Г.И. Федотом, а также Ф.А.Степун и И.С.Арсеньев, которые, заметим, безоговорочно приняли и высоко оценили труды ученого о немецком романтизме. О национально-культурном традиционализме Жирмунского, помимо финального эпизода статьи "Преодолевшие символизм", впрямую свидетельствующего вдохновенные слова о "стойкости в вере" русского народа, о его подвижничестве, о "чести и славе" России", и также горестное высказывание в письме Б.М.Эйхенбауму от 2 февраля 1918 года по поводу самоубийства Каледина: "<...> это для меня конец России"⁷.

В послереволюционной обстановке Жирмунский, конечно же. не мог выражать свои идеи сколько-нибудь широко и свободно. Подобно многим творческим людям его поколения он высказывался "под сурдинку" (этим выражением, говоря о работе И.М.Гревса в Ленинградском университете 1930-х гг., воспользовался его друг А.А.Золотарев). И - со временем все дальше отходил от глубоко личностной проблематики своих ранних работ. Это было отречение от весьма существенного звена собственного научного прошлого. "Автоцензура", учиненная при работе над книгой 1928 года, отнюдь не знаменовала пересмотра ученым собственных научно-методологических позиций. Свидетельство тому - следующие слова в авторском предисловии: "В вопросах теории литературы я, как и прежде, оставляю за собой право идти своими путями"⁸.

Как нередко случалось в советский период (вспомним одну из глав романа Пастернака, где доктора Живаго "вразумляют" его прежние друзья), агентами давления эпохи на ученого оказывались люди его же круга. В 1921 году Б.М.Эйхенбаум в письме Жирмунскому, высказываясь от лица революционной современности, сетовал, что тот "не пережил никакого перелома": "И вот это-то твое сопротивление, это *желание сохранить свое прошлое, свою самостоятельность* (выделено мною. - В.Х.) пугает меня в тебе и вызывает иногда раздражение <...>; пугает, что в тебе мало фанатизма"⁹. Позже, в 1928 году, Ю.Н.Тынянов и Р.О.Якобсон говорили об "академическом эклектизме" В.М.Жирмунского, от которого "необходимо отмежевание" Ю. Сам ученый, обороняясь от подобных обвинений, в том же 1928 году назвал себя "плюралистом", что дало повод официозным социологам (А.Прозоров, Г.Лелевич) произносить слова, отлучающие его от монистического

марксистского литературоведения как единственно правомочного¹¹. Остается порадоваться (задним числом!), что никто из литераторов 1920-30-х гг., попрекая Жирмунского как "внеправленца", не сказал компрометирующей правды о его причастности религиозно-философскому движению в предреволюционной России. Констатация этой истины оказалась бы равносильной политическому доносу. Ученого с клеймом идеалиста и апологета "проклятого прошлого", контрреволюционера и шовиниста, конечно же, ожидали бы не лавры академика, а гонения подобные тем, что выпали на долю Н.А.Клюева, С.А.Клычкова и О.Э.Мандельштама; А.А.Мейера, С.А.Аскольдова и М.М.Бахтина; в более мягкой форме - М.А.Булгакова, А.Л.Ахматовой, К.Л.Пастернаки,

Суровая эпоха побудила и, можно сказать, заставила Жирмунского, как и многих других творческих людей его поколения, уйти в горестное молчание о важнейшем для него, о задушевном и выстраданном, что неизменно присутствовало в ранних трудах ученого, - обо всем том, что порождалось его, говоря языком А.А.Ухтомского, "первичными интуициями". Творческий путь ученого, если принять во внимание пунктирно и скупо обозначенные нами факты, предстает как симптом глубочайшей духовной драмы, которая во многом сходна с той, что была пережита М.М.Бахтиным¹².

О том, что В.М.Жирмунский (вопреки давлению грозной эпохи) оставался самим собой и сохранял верность своей изначальной мировоззренческой ориентации, говорит его последняя работа, посвященная творчеству Анны Ахматовой. Здесь (насколько это было возможно в тексте 1960-70-х гг., предназначавшемся для публикации) обозначались, а в значительной мере и развивались идеи, выраженные когда-то в статье "Преодолевшие символизм". Но это уже другая тема.

¹ *Жирмунский В.М.* Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916 № 12. С. 26. Далее страницы этой публикации указываются в тексте.

² Достойн упоминания следующий факт; когда осенью 1916 года Жирмунский в одной из аудиторий Петроградского университета прочитал доклад, вскоре опубликованный в виде статьи о преодолевших символизм акмеистах, сидевшая в первом ряду А.А.Ахматова воскликнула, едва ученый кончил говорить: "Он прав!" (См.: *Эткинд Е.Г.* Память и верность: вместо предисловия // *Жирмунский В.М.* Творчество Анна Ахматовой. Л., 1973. С. 7).

³ *Жирмунский В.М.* Гейне и романтизм // Русская мысль 1914. № 5. С. Пб.

⁴ *Жирмунский В.М.* Религиозное отречение в истории романтизма- Материалы для характеристики К.Брентано и гейдельбергских романтике». М., 1919. С. 25.

⁵ *Жирмунский В.М.* Проблемы эстетической культуры в произведениях гейдельбергских романтиков // *Жирмунский В.М.* Из истории западноевропейских литератур. Л., 1981. С. 63.

⁶ *Жирмунский В.М.* По Восточной Галиции с санитарным отрядом // Русская мысль. 1916, № 1. С. 45,63.

⁷ Перелиска Б.М.Эйхенбаума в В.М.Жирмунского // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 297.

⁸ *Жирмунский В.М.* Вопросы теории литературы. Статьи 1916-1926 гг. Л.. 1928. С.15.

⁹ Переписка Б.М.Эйхенбаума в В.М.Жирмуиского. С.314.

¹⁰ *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 282.

¹¹ Подробнее См. *К.Ю.* "Академический эклектизм" // Материалы международного конгресса "100 лет Р О Якобсона. М., 1996 С 43-45.

"Сейчас в России начальство требует от критики искоренения "буржуазной" идеологии - или молчания", писал Вп. Ходасевич в 1924 году, так что формализм "оказывается единственным прикрытием, в котором, не отказываясь от работы вовсе, можно говорить о литературе, не боясь последствий: пойдя уличить в крамоле человека который скромно пододсчитывает пэоны в пятистопном ямбе Пушкина: а заговори он об этом же ямбе по существу крамола тотчас тотчас же всплывает наружу" (*Ходасевич Вл.Ф.* О формализме и формалистах // Собр. соч.: В 4 т. Т. 2' М., 1996. С. 158).

¹² См. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. М., 1993, № 2. С. 71-72, 75,83,86